

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

«ВРЕМЯ ПОЕДАЕТ МИР»

(Александр Введенский, Всё – М., ОГИ, 2021. – 782 с.)

Огромный 782-страничный том «взрослых» произведений Александра Введенского – достойный подарок ценителям творчества этого странного и малоизученного классика русской поэзии. Введенский, может быть, самый метафизичный из больших русских поэтов. Сам поэт называл себя футуристом, но примыкал к обэриутам. Литература у Введенского, почти как у Хлебникова, распадается на фрагменты. Стихи у него существуют не сами по себе, а в отдельных коробах, таких, как «Серая тетрадь», вместе с другими разнородными фрагментами. Это одновременно и дневник, и разножанровые малые произведения в стихах, и авторские комментарии, словно бы в поисках единого целого. Внешне это немного похоже на фрагменты утраченных произведений древнегреческих философов. Есть у Введенского и диалоги, как у Платона. Но у него это уже достаточно герметичная литература, даже если стихи написаны, к примеру, четырёхстопным ямбом.

*Над морем тёмным благодатным
носился воздух необъятный,
он синим коршуном летал,
он молча ночи яд глотал.
И думал воздух: всё проходит,
едва висит прогнивший плод.
Звезда как сон на небо всходит,
пчела бессмертная поёт.
Пусть человек, как смерть и камень,
безмолвно смотрит на песок.
Цветок тоскует лепестками,
и мысль нисходит на цветок.
(А воздух море подметал,
как будто море есть металл).*

Стихотворный свод книги «Всё» издан «на правах рукописи». Издатели даже не потрудились расставить как положено все знаки препинания. Названия стихотворений, даты и многое другое – всё идёт в специальных скобочках. Многие из наследия поэта навсегда утрачено – жена Введенского, когда его в первый раз арестовали, в страхе и панике сожгла его рукописи. Часть рукописей спас друг поэта Яков Друскин. Вот почему многие стихи дошли до нас только в черновом варианте.

Что означает «всё», применительно к названию книги? Конечно, это далеко не все сочинения Введенского. Всё, за исключением детских стихов. И – бонусом – избранное литературоведение, исследования, письма, комментарии. Наконец, «Всё» – так называется одно из стихотворений поэта. И «всё» – последнее слово в его последнем стихотворении «Где. Когда». Это авторская ремарка, чем-то напоминающая шекспировскую в «Гамлете» – «далее – тишина». Введенский заканчивает «Где. Когда» одним словом, которое всё подытоживает. Это театральная занавес. И одновременно – финал пьесы, которая называется «Жизнь поэта». Но сам поэт пока об этом не знает. Он только предчувствует финал и, возможно, торопит его.

Долгое время из сочинений Введенского была доступна для чтения разве что его «Элегия». Однако это тот случай, когда единственное известное произведение способно вызвать стойкий интерес к творчеству автора. И, конечно, трагическая судьба поэта никого не может оставить равнодушным. Он стоит в этом

трагическом ряду вместе с Мариной Цветаевой и Осипом Мандельштамом, чьи беспрютные могилы так же затеряны в российской глуши.

Александр Введенский – «поэт длинного дыхания». Теперь об этом, имея том собрания сочинений, можно сказать с абсолютной уверенностью. Он творил вдохновенно и легко мог в один присест написать две-три страницы длинного стихотворения. Конечно, «Элегия» всё равно стоит в творчестве поэта особняком, хотя бы потому, что она отшлифована им до блеска. Это стихи, где пушкинская лёгкость и прозрачность контрастируют с авангардным и метафизическим содержанием. И это парадоксальное сочетание классицизма с обэриутством поражает воображение.

*Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный –
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в вечерний час зары сопливой,
гони, гони возок ленивый –
лети без промедленья.*

*Не плещут лебеди крылами
над пиришественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равнение
поэт и всадник бедный.*

Советским людям, равнявшимся на знамя, вряд ли могло понравиться «равнение на смерть». Смерть не могла быть знаменем советского человека, ориентированного на бессмертие – «пароходы, строчки и другие долгие дела». Однако в метафизическом плане тезис Введенского вполне оправдан. Смерть – это дедлайн, это «гамбургский счёт», это ватерлиния бытия. Смерть решает за всех, кто есть кто. Александр Введенский задолго до Беккета и Ионеско представил нам в своих сочинениях «театр абсурда». Причём именно в пьесах – их у нашего поэта в разы больше, нежели «чистых» стихов. Видимо, драматургия была для него наиболее предпочтительным литературным жанром. Жизнь в Советском Союзе 30-х годов прошлого века действительно была абсурдистским театром гражданских действий.

У меня сложилось впечатление, что для Введенского не было особой разницы между поэзией и прозой. И то, и другое он писал вдохновенно, «потоком сознания». Мог начинать с прозаического текста и неожиданно перейти в стихи, которые, как и Хлебников, редко обрабатывал и доводил до совершенства. В конечном итоге у него получались пьесы, написанные стихотворными «гобеленами», с разными действующими лицами. Эти персонажи у него – искусственно созданные, они не имеют собственного лица и только транслируют нам мысли автора. Думаю, такого рода пьесу смог бы хорошо поставить на сцене Юрий Любимов. Его гения хватило бы на гений Введенского.

Поэт постоянно находится в диалоге с самим собой. Он комментирует свои мысли. Его стихи прирастают другими текстами, прорастают новыми смыслами. Так, например, он говорит, что действия в его стихах нелогичны и бесполезны. То есть выступает ещё и как свой собственный критик. Приведу фрагмент о глаголах и действиях целиком:

«Глаголы в нашем понимании существуют как бы сами по себе. Это как бы сабли и винтовки, сложенные в кучу. Когда идём куда-нибудь, мы берём в руки глагол идти. Глаголы у нас тройственны. Они имеют время. Они имеют прошедшее, настоящее и будущее. Они подвижны. Они текучи, они похожи на что-то подлинно существующее. Глаголы на наших глазах доживают свой век. В искусстве сюжет и действие исчезают. Те действия, которые есть в моих стихах, нелогичны и бесполезны, их нельзя уже называть действиями. События не совпадают с временем. Время съело события. От них не осталось косточек».

Настоящим шедевром Александра Введенского является не только «Элегия», но и его последнее стихотворение «Где. Когда». Это какой-то совершенно новый жанр поэзии. Это мини-пьеса, где вместо реплик героев идут стихи, которые постоянно перебиваются авторскими комментариями, написанными в третьем лице. В процессе чтения с ужасом понимаешь, что эта пьеса – ещё и пародия. Как «Дон Кихот» у Сервантеса.

«Где он стоял, опершись на статую. С лицом, переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите, он вот что сказал: / „Прощайте, тёмные деревья, / Прощайте, чёрные леса, / небесных звёзд круговращенье / и птиц беспечных голоса“.

Он, должно быть, вздумал куда-нибудь куда-нибудь уезжать. / „Прощайте, скалы полевые, / я вас часами наблюдал. / Прощайте, бабочки живые, / я с вами вместе голодал. / Прощайте, камни, прощайте тучи, / я вас любил и я вас мучил“».

Пьеса внутренне пародийна. Причём её пародийность выясняется не сразу. Вначале думаешь, что всё серьезно. Что это настоящее прощание поэта, похожее на пушкинское «Прощай, свободная стихия». И только когда поэт «вынимает из кармана висок», чтобы выстрелить в себя, понимаешь, что он просто насмехается над смертью. Правда, в конечном итоге это стихотворение оказалось последним – и, получается, наоборот, смерть посмеялась над поэтом. Кончина Введенского чем-то напомнила мне гибель эренбургского Хулио Хуренито: тот сам её призвал и сам срежиссировал свой уход.

Но можно посмотреть и по-другому на эту драму: в пьесе «Где. Когда» мне слышится героическое самостояние поэта перед неизбежностью: «Врёшь, не возьмёшь!». Вспоминаются строки Фета, где он также бросает вызов смерти: «Но пред моим судом, куда сердце бьётся, / мы силы равные, и торжествую я». Смысл один – стилистика у поэтов совершенно разная. На мой взгляд, именно «Где. Когда» может стать ключом к пониманию творческого метода Александра Введенского.

«И так, попрощавшись со всеми, он аккуратно сложил оружие и, вынув из кармана висок, выстрелил себе в голову. И тут состоялась часть вторая – прощание всех с одним. / Деревья как крыльями взмахнули своими руками. Они обдумали, что могли, и ответили: / „Ты нас посещал. Зрите, / он умер и все умрете. / Он нас принимал за минуты, / потертый, помятый, погнутый. / Скитающийся без ума / как ледяная зима“.

Что же он сообщает теперь деревьям. – Ничего – он цепенеет. / Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчалием, и умалчиением, и отсутствием звука внушали и нам, и вам, и ему. / „Спи. Прощай. Пришел конец. / За тобой пришел гонец. / Он пришел последний час. / Господи помилуй нас. / Господи помилуй нас. / Господи помилуй нас“».

Это трехкратное «Господи, помилуй» напоминает нам, что это стихи сына священника. Если у Хармса стихи завязаны на его биографии, то у Введенского, наоборот, его биография к стихам никакого отношения не имеет. В произведениях Введенского есть постоянная триада – Время, Смерть и Бог. Это основные темы его стихотворений. «Смерть есть остановка времени», – говорит поэт, – «Время поедает мир». Чей мир? Остаётся загадкой, что имел в виду поэт – мир, общий для всех или мир отдельного индивидуума. Нелинейность мышления знаменитого поэта-обэриута задала нам множество загадок, которые хочется побыстрее разгадать.